

Алексей Маслов

五七ノムドロ

КОДЕКС ЧЕСТИ
САМУРАЯ

Тебе никогда
не придётся
сомневаться в том,
что ты победишь

Алексей Александрович Маслов

Бусидо. Кодекс чести самурая

Серия «Вершина успеха (Феникс)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70200505

*Бусидо : кодекс чести самурая / А. А. Маслов: Феникс; Ростов-на-Дону;
2023*

ISBN 978-5-222-41294-7

Аннотация

Книга об особом нравственном идеале воинской традиции Японии – знаменитом кодексе самурайской чести Бусидо, или «Пути воина». Именно Бусидо представляет собой саму душу самурайства, его внутреннюю суть. В качестве первоисточника, передающего глобальный идеал самурайской жизни и особый настрой воина, приведен самый знаменитый самурайский трактат – «Книга пяти колец» Миямото Мусаси. Вот уже более 300 лет этот труд знаменитого самурая используется миллионами людей, причем область применения простирается от основ государственного управления и военной стратегии до методов ведения бизнеса. В Японии и ряде азиатских стран «Книга пяти колец» является настольной для любого уважающего себя бизнесмена и считается учебным пособием по ведению бизнеса.

Содержание

Предисловие	5
Душа Японии	7
«Бусидо» – идеал и реальность. Пути воина	7
«Не опоздай встать на путь воина»	7
Идеал воина	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алексей Маслов

Бусидо. Кодекс чести самурая

© Маслов А. А., 2023

© ООО «Феникс»: оформление, 2023

* * *

Предисловие

Как-то раз один из богатых даймё (военный феодал) прислал посыльного к известному воину Хосокаве Сансаю (XVII в.), прославившемуся своим тонким вкусом в изготовлении доспехов. Посланник должен был заказать у Хосокавы особо изящный боевой шлем, причём такой, который бы поразил своим видом даже искушённых в этих делах самураев. Каково же было удивление приехавшего, когда Хосокава предложил сделать традиционный «рогатый» шлем, изготовив рога из дерева! Самурай был поражён выбором материала: ведь рога обычно выдерживают тяжёлые удары меча, а в случае необходимости и пробивают грудной доспех врага. В ответ на недоуменные вопросы Сансай спокойно объяснил: пусть сломаются рога – лишь бы они не отвлекали внимание воина.

Но ведь каждый раз после сражения придётся долго чинить такой шлем, а как быть, если надо на следующий день вновь идти в бой? И тут Сансай по сути определил путь самурая: воин не должен надеяться прожить ещё один день. К тому же «если мысли воина заняты лишь тем, как бы не повредить орнамент на шлеме, как же он может сохранить свою жизнь? Навершие шлема, сломанное в бою, выглядит поистине великолепно. А вот если потеряешь жизнь, её уже никогда не вернёшь».

Услышав это, посланник удалился, не задав больше ни одного вопроса.

Здесь речь идёт об особом нравственном идеале воинской традиции Японии – знаменитом кодексе самурайской чести Бусидо, или Пути воина. Вероятно, не найдётся ни одной книги о японских боевых искусствах древности и современности, где бы он не упоминался. Но сколь ни разнились бы между собой трактовки Бусидо, все они сходятся в одном: именно Бусидо представляет собой саму душу самурайства, его внутреннюю суть.

Душа Японии

Путь мудреца – почитать Небо и подражать древности.

*Древность и современность проникают друг в друга, поэтому прежние мудрецы передают образцы своего поведения последующим поколениям.
Дун Чжуншун, китайский философ (II в. до н. э.)*

«Бусидо» – идеал и реальность. Пути воина

Некоторые вещи настолько постыдны, что не могут быть честными, как, например, месть за обиду, желание человеку зла. Такие вещи следует отбрасывать, с какой бы выгодой или мукой они бы ни связывались.

Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина

«Не опоздай встать на путь воина»

Определение Бусидо как кодекса самурайской чести не совсем верно. Кодекса как такового не существовало (точнее, существовали десятки независимых друг от друга сборников правил поведения самурая), речь можно вести лишь

о некоем глобальном идеале самурайской жизни, особом настрое воина. А сам этот идеал, во многом непостоянный и переменчивый, формировался столетиями.

Когда же начала складываться эта доктрина – «Путь воина»? Естественно, точную дату назвать невозможно, но всё же некоторые отправные точки нам известны. В 792 г. в Японии была официально введена система воинского воспитания юношей, названная «Кондэй» («Надёжная молодёжь»). В специальные школы отбирали выходцев из благородных семей, где их в равной степени учили действовать мечом и кистью, т. е. пытались претворить в жизнь извечный идеал японской культуры – «Военное и гражданское сливаются воедино» («бунбо ити»). Идея эта обсуждалась давно. Ещё в правление императора Камму в 782 г. при императорской резиденции в Киото началось строительство монументального здания для специальной школы подготовки профессиональных воинов из числа молодых кугэ, т. е. аристократов. Так возник знаменитый Бутокудэн – «Зал воинских добродетелей», который сохранился (естественно, в реконструированном виде) и по сей день. Пройдя полный курс воинских наук, юноши отправлялись офицерами в войска.

Вскоре представился случай испытать эффективность реформированной армии. Её противником оказался отнюдь не внешний враг, а коренной народ Японских островов – айны. В результате сражений с самураями айны, несмотря на свою отчаянную смелость и немалую воинскую доблесть, оказа-

лись оттеснены на самую северную территорию Японии – остров Хоккайдо.

Постепенно совершенствование воинского искусства (постоянные тренировки в бое на мечах, копьях, в стрельбе из лука) становится по сути единственным занятием, которому воины посвящают своё время. А вслед за этим приходит и осознание особого статуса воина: в глазах своих соплеменников он является носителем высшей истины воинских искусств. Так, в среде воинов возникает и особая идеология, отражавшая сознание своей почти мистической исключительности. Воинам (буси) уже мало было ощущать себя «суперменами»; они претендовали на решение вопросов, далеко выходящих за рамки боевых искусств (управление территориями, организация земледелия и, наконец, власть в стране). Могло показаться, что наследственная аристократия, которая вела свои родословные едва ли не от богов и духов, вряд ли так легко отдаст власть отчаянным, но неграмотным воинам. Однако страшные битвы, развернувшиеся в Японии в XII – XIII веках, показали всю силу влияния малообразованного, но удивительно активного слоя воинов буси, противостоявшего наследственной аристократии кугэ. Политическая и культурная ситуация оказалась критической: кугэ, столетиями управлявшие государством, показали себя просто не приспособленными к активной жизни в эпоху непрерывных войн. В стране устанавливается чисто военное правление, которое сначала осуществляет Минамото-но Ёрито-

мо вместе с кланом Ходзё, а позже начинает формироваться особое «военное правительство» – бакуфу.

В этот ранний период существования самурайства сложился особый тип боевой морали, который позже нашёл своё воплощение в неписаном кодексе Бусидо. Эта мораль, выросшая из аристократической культуры кугэ, начисто отвергла не только её утончённость и изысканность, но и нравственные принципы. Возвращение к культуре кугэ произойдёт ещё не скоро – почти через пять столетий. Пока же Японию ожидали опрошение нравов, примитивизация культурных форм и расцвет боевых искусств – одним словом, всё то, что столь характерно для воинской среды во всех странах мира. Самурайский «кодекс чести» формировался и как своеобразный противовес морали старой аристократии. Таким образом, самураи чисто психологически ощущали себя как некий единый институт или социальную группу, связанную общими принципами поведения и даже мышления.

Нравственной основой жизни самурая было выполнение его долга перед своим господином. Этот принцип сформулирован в известных четырёх заповедях. Миямото Мусаси перечислял их в таком порядке:

Не опоздай встать на Путь воина.

Стремись быть полезным господину.

Чти своих предков.

Поднимись над личными привязанностями и собственными горестями – существуй для других.

Пожалуй, главное в этих принципах – мысль об абсолютной лояльности к своему господину, мастеру, которая в буквальном смысле продолжалась до самой смерти. И даже собственную гибель самурай должен был посвятить господину, уходя из жизни с чувством выполненного долга и не опозорив предков.

Многие правила Бусидо представляли собой просто распространённые высказывания или поговорки, большая часть которых была взята из китайских воинских трактатов или конфуцианских сочинений. Объединяться в компендиумы эти высказывания стали достаточно поздно – не раньше XVII века, а это значит, что идеальный образ благородного, мужественного и преданного самурая возник лишь в поздний период военной истории Японии. Большинство кодексов в определённом смысле копировали китайскую воинскую традицию составления «правил боевой морали» (удэ) и представляли собой в основном предписания известных даймё своим подданным.

Руководство воина «Хагакурэ» («Сокрытое в листе»), скорее всего, было создано самураем Ямамото Цунэтомо. Всю жизнь Ямамото преданно служил своему господину, терпел с ним и опалу. И когда его мастер умер, боль утраты была столь сильна, что Ямамото удалился в небольшой горный храм и решил отдать последние почести тому, кому он был так сильно предан. Но как выразить искренность и полноту своих чувств? Ямамото Цунэтомо решает написать

краткие наставления всем последующим поколениям самураев, чтобы те стремились стать столь же великими воинами, как его господин. Так рождается «Сокрытое в листве». А чуть позже к названию этого произведения стали прибавлять слово «Бусидо»; и в самурайской среде появилось «Хагакурэ Бусидо» – «Путь воина, сокрытый в листве».

Вероятно, Ямамото не столько писал текст сам, сколько компилировал его из высказываний и наставлений, которые бытовали в то время среди самураев. Таким образом, перед нами не авторское произведение, но отражение особой идеологии, особого мироощущения, идеала воинской традиции.

Но вот парадокс: чаще всего этот идеал расходился с реальными деяниями воинов. К тому же то, что самураям могло казаться вполне приемлемым, человек западной традиции посчитает недопустимым. А поэтому имеет смысл в равной степени рассмотреть как идеальную, так и реальную сторону воинской жизни Японии.

Идеал воина

Влиятельный и образованный даймё Хосокава Сансай (1563–1646), один из самых известных коллекционеров оружия, прослыл также большим знатоком чайной церемонии. Он держал у себя дома богатую коллекцию принадлежностей для приготовления чая, состоявшую из самых изысканных и дорогих предметов.

Однажды к Хосокаве пришёл в гости не менее известный самурай Хотта Масамори (1608–1651) и обратился с просьбой показать коллекцию предметов для чайной церемонии. Но Хосокава в течение нескольких часов демонстрировал ему лишь оружие и латы, давая при этом подробные объяснения и отпуская остроумные замечания о технике работы старых мастеров. И не показал ни одного предмета для чайной церемонии! Откуда такая невежливость – ведь его гость пришёл посмотреть именно на них? Позже сам Хосокава Сансай так объяснил своё поведение: когда один воин посещает другого, они не должны говорить ни о чём, кроме как об оружии и ратных делах.

Воин всегда должен думать лишь о воинском долге, выполнению которого подчинена вся его жизнь, поступки и мысли.

Поэтому и правила поведения, объединённые под названием «Бусидо», настраивали самурая, во-первых, на совершенствование в боевых искусствах, во-вторых, на преданное служение своему господину. Ямага Соко (1682–1785), знаменитый наставник в боевых искусствах и конфуцианских науках, так описывает идеального самурая:

«Занятие самурая заключается в том, чтобы предаваться размышлениям над своим местом в этой жизни; в том, чтобы верно нести службу своему господину, если он имеет такового; в том, чтобы углублять свою преданность друзьям и, с должным вниманием относясь к собственному положению,

посвящать себя прежде всего исполнению своего долга. Но в своей жизни самурай неизбежно вовлечён в исполнение обязанностей, связанных с взаимоотношениями между отцом и сыном, старшим и младшим братьями, мужем и женой. Конечно, это является основной моральной обязанностью каждого на этой земле, но крестьяне, ремесленники и торговцы не располагают свободным временем, а поэтому они и не могут постоянно действовать в соответствии с этими обязанностями и служить примером Пути (до). Лишь самурай избавлен от тех хлопот, которые выпадают на долю крестьянина, ремесленника и торговца, и должен занимать себя лишь следованием Пути. И если среди вышеперечисленных трёх групп людей найдётся тот, кто будет выступать против этих моральных принципов, дисциплинированный самурай должен наказать его и тем самым поддержать истинную мораль на земле. Самурая нельзя, зная о военном (бу) и гражданском (бун) началах, не проявлять их. И для этого случая самурай внешне всегда поддерживает себя в состоянии полной готовности выступить на службу по первому зову, а внутренне он стремится осуществить Путь (т. е. моральный принцип. — А. М.), что существует между господином и слугой, двумя друзьями, отцом и сыном, старшим и младшим братьями, мужем и женой. В своём сердце он придерживается пути мира, но снаружи он всегда держит своё оружие готовым к действию. Три класса обычных людей делают его своим наставником и уважают его. Следуя своему наставнику,

они становятся способны понять, что является главным, а что второстепенным.

В этом и заключается “Путь воина” – Бусидо, благодаря которому он зарабатывает себе на еду, одежду и жильё и благодаря которому в его сердце приходит умиротворение и он становится способным до конца выплатить по всем своим обязательствам своему господину и воздать должное своим родителям» [1].

Таким образом, преданность, бесконечное ощущение долга перед своим господином – вот что составляет образ идеального самурая. В самурайских кодексах даже не допускается мысли о перемене хозяина или тем более об измене ему. Японцы вслед за китайцами делили образ человека на внешнее и внутреннее начало. При этом, как явствует из отрывка, внешним для воина было поддержание прекрасной боевой формы, а внутренним – выполнение морального долга. Видна здесь и идея универсального характера деятельности самурая: воин восстанавливает попорченную мораль не просто в какой-то провинции или деревне, но «на всей земле», тем самым утверждая всеобщность норм Бусидо.

Многие поклонники японских боевых искусств склонны приписывать понятию «до» («Путь») мистическое значение, с этих позиций трактуя названия таких направлений, как каратэ-до, айкидо, дзюдо и т. д.

Обратим внимание на важную подробность: понятие «Пути» (до) приходит в Бусидо не столько из даосизма или буд-

дизма, сколько именно из китайского конфуцианства. Там «Путь» (дао) обозначал не мистический принцип развития всех вещей, как в даосизме, но гармоничный божественный порядок, некий «Путь нравственного и должного», которому должен следовать каждый благородный муж («цзюньцзы» у Конфуция). А это значит, что положение Бусидо о том, чтобы «служить примером Пути», означает требование строго придерживаться морально-нравственных принципов, которые воинская культура предъявляла к самураям.

Несложно заметить, что весь приведённый выше отрывок выдержан в духе конфуцианской традиции. Например, пять типов взаимоотношений, о которых говорится в нем (старший – младший, отец – сын, государь – подданный, муж – жена и отношения между друзьями) и которые превратились в канон социальных связей на Дальнем Востоке, вышли из конфуцианства.

Во многом самурайская культура стремилась копировать идеал конфуцианского «благородного мужа», который «без гнева строг», «мало обещает, но много делает», «благороден внешностью и строг нравом». В частности, особо высоко ценилась твёрдость самурайского слова, а нарушение обещания было величайшим позором. В Японии широко распространялись рассказы о том, как самураи, не сумев по каким-то причинам выполнить обещанное, не задумываясь делали себе харакири. Даже произнесение клятвы считалось чем-то недостойным истинного воина: ведь самурай должен

выполнять всё, что он говорит, без всяких дополнительных и тем более письменных клятв.

Чувство собственного достоинства воспитывалось у самураев с детства: уже с пяти-шести лет будущим воинам подробно объясняли, как себя вести, как выполнять свой долг перед господином и даже как правильно одеваться. Многие жесты, движения входили в сознание самурая на уровне рефлексов – отсюда столь характерная «горделивая осанка» воинов.

Даже внешность самурая должна была соответствовать всё тому же принципу – служению господину вплоть до своей смерти и готовности в любой момент вступить в бой. Ухоженное лицо, опрятная одежда и даже маникюр (!) имели в своей основе не стремление к «красивости» (показные жесты вообще осуждались Бусидо), а чисто практическое назначение. «Хагакурэ Бусидо» приводит в пример некоего идеального самурая, который каждое утро принимал ванну, брился, душил волосы, стриг ногти, аккуратно шлифовал их пемзой и полировал хвощом (токусой). Так же тщательно ухаживал он за своим оружием: всегда содержал его в чистоте, старательно очищал от ржавчины.

По сути Бусидо регулировал не столько поступки, сколько сами мысли самурая. Основным помыслом воина всегда должно было оставаться желание умереть за своего господина. Вот характерный пассаж их кодекса «Хагакурэ»: «Где бы я ни был – далеко в горном ските или даже похороненным

под землёй, везде моим долгом является соблюдение интересов моего господина. В этом долг каждого человека из Набасимы. Это позвоночный столб нашей веры, неизменная и вечная истина. Каждое утро настраивай свой разум на то, как правильно умереть. Каждый вечер освежай свой разум мыслями о смерти... Путь воина (Бусидо) – это путь смерти» [2].

Бусидо во всех его вариантах носил вполне конкретный характер практических наставлений. Он учил воина реагировать на ту или иную ситуацию в соответствии с традиционными представлениями о долге. Например, чувство мести считалось вполне отвечающим традиционной морали. Один из кодексов Бусидо давал такое наставление: «Самурай, имя которого осталось неизвестным, был однажды оскорблён. Не сумев оружием защитить свою честь, он был лично опозорен. Если случается такое, что требует отмщения, действуйте, не теряя времени, даже если бы это стоило вам жизни. Вы можете потерять жизнь, но честь – никогда. Если вы задержитесь, чтобы обдумать, как лучше отомстить, вы можете не дожидаться другого шанса. Считая врагов, вы можете навсегда упустить удобный шанс. Будь против вас хоть тысячи, решительно бросайтесь вперёд, разите каждого, и вы достигнете того, к чему стремитесь».

Западное представление о самураях, сильно идеализированное, рисует образ некоего универсального человека, способного в равной степени прекрасно фехтовать на мечях, управлять горячим боевым скакуном, слагать изящные стро-

фы, составлять аранжировки из цветов и находить философскую глубину в чайной церемонии. В реальности же самурайские правила, сам дух Бусидо устанавливали приоритет именно военного, а не культурного начала. Важнейший воинский кодекс периода Токугавы «Букэ сёхатто» («Уложения о боевых лошадях», или «Княжеский кодекс»), являвшийся стандартом поведения самураев, требовал совершенствоваться в боевых искусствах даже в период мира.

«Необходимо постоянно упражняться в искусстве мира и войны, включая стрельбу из лука и вольтижировку на лошади. С глубокой древности правилом было “практиковать искусство мира левой рукой и искусство войны – правой”, и в обоих следует совершенствоваться. Стрельба из лука и вольтижировка являются важнейшими для воина. И хотя оружие зовётся инструментом зла, бывает время, когда всё же следует прибегнуть к нему. И в мирное время мы не должны забывать об опасности войны. И разве не должны мы готовиться к ней?» [1]

Чтобы стал ясен подтекст этого пассажа, напомним, что во времена написания «Букэ сёхатто» и других знаменитых сборников воинских правил эпоха войн и заговоров давно минула. Япония, объединённая мощной рукой Токугавы Иэясу (1543–1616), пребывала в мире, никаких крупных войн даже и не намечалось, остатки оппозиции были разгромлены в середине XVII века. Самураи, лишённые своего единственного занятия, предавались обычным челове-

ским слабостям, воздавая должное вину, женщинам и азартным играм. Те, кому удалось получить сравнительно систематическое образование, действительно обратили взоры к изящным искусствам, но таких было меньшинство. Резко падала дисциплина в армиях местных даймё, уменьшалось количество школ кэн-дзюцу, по сути рушилась основная идея, на которой веками держалась самурайская культура. А следовательно, возникла необходимость напомнить воинам об их основном занятии.

Токугавский сёгунат, придя в XVII веке к власти, сразу же занялся строгой регламентацией жизни каждого сословия, особенно выделяя роль самураев. В 1615 году сёгун Токугава Иэясу выпускает специально для самураев кодекс «Букэ сёхатто», содержащий 13 статей, в которых точно определялись занятия и формы жизни военной верхушки Японии. Фактически этот кодекс повторял большинство неписаных положений Бусидо. Самураи уже чувствовали себя полными хозяевами страны, причём поведение их было не всегда достойным. Положение становилось столь сложным, что «Княжеский кодекс» напрямую требовал от самураев соблюдения умеренности, ибо «главной причиной разорения княжеств служат чрезмерная приверженность женщинам и азартным играм» [3]. Правила Бусидо в отличие от наших представлений о них не столько говорили о поведении воина в бою, сколько о том, как ему «сохранить лицо» в условиях мира.

В конце периода Эдо особую популярность приобретают

романы о подвигах самураев, созданные по мотивам знаменитых произведений. Так, например, эпос «Гэндзи моногатари» (X в.) стал основой для повести «Нисэ Мурасаки Инака Гэндзи» самурая Рютэем Танэхико (1783–1843). Повесть разошлась небывалым для Японии тиражом в 10 тыс. экземпляров. Танэхико принадлежал к числу интеллектуальной элиты того времени и был хорошо знаком с воинской жизнью. В его романе самураи сражаются с ниндзя, участвуют в заговорах и без конца убивают друг друга. Главный герой повести принц Мицудзи, сын сёгуна Асикага Ёсима-са, действует как настоящий ниндзя – хитрый, безжалостный и коварный. Все его действия направлены против некоего весьма хитрого врага, который стремится лишить его права на сёгунский престол. Принц Мицудзи не может стерпеть такой несправедливости. Блестящий знаток боя на мечах и дзю-дзюцу, он, например, отслеживает в «весёлом квартале» шпиона-ниндзя, который работал на его конкурента, и подвергает его на землю приёмом дзю-дзюцу.

При этом принц – автор подчёркивает это особо – обладает тонкой, аристократической душой. В повести есть такой эпизод. Как-то к Мицудзи был подослан убийца-ниндзя. Лунной ночью Мицудзи в одиночестве упоённо играл на струнном инструменте кото. Момент был прекрасный и романтический. Принц не замечал ничего вокруг, унесённый звуками музыки в даль космических сфер. И тут у него за спиной тихо появился убийца. Далее произошло то, что

должно было вызвать у японского читателя восхищение не только самообладанием Мицудзи, но прежде всего соответствием его поведения всем ритуальным нормам: «Не сказав ни слова, загадочный человек, чьё лицо было целиком закрыто, вытащил свой меч. Мицудзи же без малейшего промедления протянул к нему левую руку, в то время как правой продолжал играть на кото. Вошедший, смутившись, вложил свой меч в ножны» [4]. Великий мастер боя Мицудзи сумел остановить убийцу лишь одним жестом, даже не прервав волшебную игру на кото! Мицудзи проявил не только колоссальную силу духа, но и соответствующую ритуальную сдержанность и строгость, абсолютную достаточность действия, что так высоко ценилось в самурайской культуре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.